

— Почему как все нормальные дети ты в сочинении «Что такое счастье» не написала про любовь мамы или на крайний случай про мир во всем мире? По-твоему, счастье — это курочка с поджаристой корочкой?

— Бабушка, я просто голодной тогда была.

Из разговора с десятилетней Сашурой.

ПРЕДИСЛОВИЕ

На одном из юбилеев — неизбежные утехы моих ровесников — я познакомилась с интересной женщиной. Внешне она была — чистый благородный лоск. Хоть сейчас на выставку «Идеальный образчик немолодой дамы с безукоризненным вкусом и прекрасными манерами». Я несколько раз ловила на себе взгляд дамы и подумала, что, наверное, кого-то ей напоминаю. Или она решила, что жемчуг на моей шее поддельный. Он мне подарен мужем с неподдельным чувством, что гораздо важнее натуральности камней.

Дама захватила за локоть мою подружку, и они двинулись в мою сторону.

— Позволь тебе представить, — сказала подруга, — Галину Георгиевну. Наши мужья дружат, а мы испытываем друг к другу искреннюю симпатию. Ах, простите, я говорю только о себе!

— Всё верно, Танечка! — благосклонно улыбнулась Галина Георгиевна.

Таня была женой дипломата, тут вообще в основном был дипкорпус. Со многими я была знакома. Совершенно нормальные простые люди. И я никогда не видела свою подругу, выражающуюся как на светском приёме. Потому что рядом стояла Галина Георгиевна — Жена (с большой буквы) Дипломата (с большой буквы). Да что там! Королева. Хоть с маленькой, хоть с большой буквы королева остаётся королевой.

Это была хорошая королева: с доброй улыбкой на устах и в глазах. Она

с тебя за плохие манеры кожу снимет, но исключительно для твоей же пользы. Как косметический пилинг для красоты лица.

Царским жестом Галина Георгиевна предложила мне отойти в сторону:

— Я наслышана, что вы писательница.

Когда мне делают такие сообщения, я почему-то кривлю физиономию в гримасах «так получилось, что поделаешь, извините, я не виновата...» А что ответить? «Да, пописываю, знаете ли. Творю безудержно».

— У вас такое милое лицо, — сказала Галина Георгиевна, — и ваши книги тоже наверняка очень милые.

Тут меня чёрт за язык дёрнул:

— Если бы я была косорылой, с выступающей челюстью и нервным тиком, то книги были бы отвратительны?

— Юмор — это прекрасно, — не дрогнула Галина Георгиевна. — Завид-

ное качество для женщины. Вот я, увы, не обладаю этим весёлым даром. Хотя и злорадная язвительность мне тоже не свойственна.

Лет сорок назад я бы покраснела: мой выпад был натуральной язвительностью. С возрастом мы краснеем только от негодования, потому что окружающие бестолковы и не понимают того, что мы им вдалбливаем.

— Собственно, я хотела поговорить с вами о произведении моей племянницы, — продолжала Галина Георгиевна. — Катенька замечательная девочка, прекрасно воспитанная, очень-очень образованная...

«Надеюсь, ей не семь лет», — подумала я.

Дальше Галина Георгиевна могла не говорить, то есть я не слушать. Надо прочесть, оценить, восхититься, чтобы у юного дарования расправились крылья. Куда на них лететь, ни доброхоты,

ни само дарование понятия не имеют. Я, кстати, тоже. Только бы не роман на четыреста страниц!

— Это не длинно, — точно подслушав мои мысли, говорила Галина Георгиевна, — два десятка страниц.

Я скрыла радость за вполне светской улыбкой, заверила, что с удовольствием прочту, выскажусь, присылайте, рада помочь чем могу.

Галину Георгиевну на мякине было не провести. Она рассмеялась, неожиданно старушечьим хохотком прокудахтала, погладила меня по плечу:

— Нелегка участь российского литератора.

Потрясающая женщина!

Мы обменялись телефонами, я дала свой электронный адрес.

И Галина Георгиевна пропала на месяц или больше или чуть меньше, я про нее забыла.

Звонок.

— Это Галина Георгиевна. Надеюсь, вы обо мне помните, мы были представлены на юбилее...

— Конечно, помню! Рада вас слышать. Куда вы пропали?

— Я, как вы выражаетесь «пропала», посчитав, что совершила чудовищную бестактность. Разговаривала с писательницей, не прочтя ее произведения.

Она прочла мою тетралогию о сибиряках, была искренне восхищена, в некоторых местах смеялась, в других плакала. Она, для меня лестно, сравнила мои романы с нашумевшей книгой примерно на ту же тему. Она заставила прочесть тетралогия своего мужа, который, «очень умный, но считает, что беллетристика не для женщин, как тяжёлая атлетика, исключение только Жорж Санд, печально, что муж остановился на этой развратной француженке». Она просит прощение за своё поведение, которое справедливо могло показаться чванливым.

— Галина Георгиевна. Я тронута! Спасибо за добрые слова! Вы пришлёте рассказ своей племянницы?

— Если вас не затруднит.

— Нисколько.

— Была счастлива с вами познакомиться.

— Взаимно.

Рассказ был забавным, про инопланетян. Я люблю фантастику всех жанров. Любовь, как известно, — страдание. В данном контексте страдание — это крайне малое число новых достойных книг в гигантской груде макулатуры. В рассказе девочки были ростки. Как на грядке: вот интересное, полезное, хоть бы выросло, а вот сорняки, сорняки, сорняки.

Я написала девочке с предложением поработать вместе над ее произведением. Для меня это был подвиг. Впервые в жизни я решилась быть наставницей многообещающего таланта. Мне хвата-

ет наставничества в обычной жизни, я всех учу, меня за глаза называют «училкой».

Девочка Катя ответила не письмом, а сообщением по телефону. Смайлики-рожицы перемежались «ой, спасибо, как здорово, меня тётя Галя вашу книгу принуждает прочитать, я обязательно, а еще я тогда, на волне несло, написала про нашу семью и мою тяжёлую участь, можно прислать»

Я ответила кратко: «Присылай». На «ты», хотя в первом письме я с ней, как с коллегой по цеху, была на «вы». И ждала какой-нибудь дребедени. Но девочка сделала гигантский шаг! Сорняки есть, но полезные растения куствуются.

На этом наше общение закончилось. И с Галиной Георгиевной, и с Катей.

Мне не было обидно. У Галины Георгиевны своих подруг — только успевай хоть изредка по телефону поболтать. Я сама такая. Казалось бы, мы

вольные пенсионерки, а часто видеться не получается.

Катя? У меня старшие внуки — подростки. Такие же, как эта девочка. Подростки нового поколения. Очень умные, очень воспитанные и занятые, как главнокомандующие во время войны. «Я бы с тобой поспорил, но мне надо уроки делать (идёт в своих сетях ковыряться). Конечно, я приеду, бабушка. Я тебя тоже очень люблю. Обязательно позвоню».

Звонят изредка, приезжают того реже. Я смирилась и поняла, что их надо просто любить. Ловить момент. Три минуты, когда они рядом, гладить по плечам и рукам, умиляться и рассказывать про их проделки в глубоком детстве. Подобные рассказы они обожают.

Вот поэтому я решила не забросить творения девочки Кати, а довести их до ума, то есть до публикации. Вдруг ей это поможет, выражаясь казённым язы-